

Карина Демина

Леди и война.
Пепел моего сердца

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Изольда Великолепная

Карина Демина

Леди и война. Пепел моего сердца

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Демина К.

Леди и война. Пепел моего сердца / К. Демина — «АЛЬФА-КНИГА», 2013 — (Изольда Великолепная)

В чужих амбициях и планах Изольде отведена весьма конкретная роль. Вот только она не желает быть марионеткой в чужих руках. И вынужденная разлука – вот та цена, которую приходится платить за шанс восстановить семью. И всего-то надо: выстоять, перешагнуть через обиду и вернуться в разоренный Город. Поверить, что среди всех обличий войны сохранилось и человеческое. Дозваться. И удержать Кайя на краю безумия.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Карина Демина

Леди и война. Пепел моего сердца

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Обстоятельства непреодолимой силы

*Перед тем как закрутить гайки, убедитесь, что болты еще не
сперли.*

Совет каретных дел мастера

Я помню возвращение в замок отрывками.

Гора дрожит и пятится, не позволяя коснуться. Гнев спокоен. Седло. Дорога. Оцепление. Сержант держится рядом, готовый поймать, если наша светлость вздумает лишиться чувств. Огненная река на деревянных подмостках факелов. Люди, которых слишком много, чтобы я и вправду могла потерять контроль над собой.

Они напуганы. И растерянны.

Они слышали отголосок гнева Кайя и теперь смотрят на меня, пытаясь понять, что же произошло.

Не знаю.

Но сижу прямо. Спокойно. Улыбаться вот не могу.

Мелькает мысль, что снайпер, снявший Кайя, способен избавиться и от меня, но тут же уходит. Я больше не боюсь умереть.

Толпа тянется за нами. Женщины. Мужчины. Дети плачут... в ночных сорочках люди похожи на призраков, и я не могу отделаться от ощущения, что вот-вот они взлетят и растворятся в черном небе. Гроыхает гроза эхом выстрела. И я все-таки вздрагиваю, оборачиваясь на звук.

– Уже недолго, – обещает Сержант.

Мост. И стража – сколько их? Сотня? Две? Больше, чем когда бы то ни было, – оттесняет толпу. Это рубеж, переступив который я признаю поражение.

Побег не удался.

Случается.

Но может быть...

– Нет, Иза. – Сержант понимает с полувзгляда. – Сейчас нам надо занять позицию и держать оборону.

– Где?

Он знает. И я тоже знаю, хотя совершенно не разбираюсь в позициях и обороне.

– Кривая башня. Один выход. Одна лестница. Пролеты перекрываются. Удобно. Не для наступающих, – уточнил он.

И я кивнула. Наверное, он прав. Бежать? А Кайя? Я сойду с ума, не зная, что с ним. И Кормак не упустит шанс объявить виноватой меня. Бегство – лучшее тому подтверждение. Будет погоня. Травля. Меня оставят в живых – пригожусь в перспективе. А вот Сержант и те, кто решится пойти за ним, обречены.

Что ж... мы принимаем бой.

Попробуем, во всяком случае.

– Сумеешь дойти? – Сержант помогает спешиться и передает поводья кому-то, кого я не вижу. Вижу спины. Плащи. Мечи. Факелы, жар от которых опалает волосы и щеки. Кольцо стражи сжимается плотно. И подозреваю, что кольцо не одно. Но встречи все равно не избежать.

– Могу я узнать, – этот голос проникает за железный вал охраны, – что случилось?

– Нет, – за меня отвечает Сержант.

– До меня дошли слухи, что лорд-протектор погиб.

– Нет.

– Тогда где он?

– Далеко.

Все-таки, чтобы беседовать с Сержантом, нужны привычка и немалый запас нервов, которые у Кормака на исходе. Игра тоже далась ему непросто.

– Он вернется. – Сержант привычно спокоен.

– Когда?

– Когда-нибудь.

Вернется. Обещал ведь. И я дождусь. Здесь, в этом чертовом замке, где меня ненавидят.

– Дар Биссот много на себя берет.

Теперь я слышу угрозу.

– Нет. Дар Биссот по праву доверенного лица Кайя Дохерти исполняет его обязанности во время его отсутствия, какими бы причинами оно ни было вызвано. Препятствие в исполнении данных обязанностей будет расценено как мятеж.

Препятствие?

Кормак пришел не один. У него достаточно людей, чтобы начать небольшую войну. И у Сержанта хватает. Будет резня. Кровь, и... и я ничего не смогу сделать, разве что сдаться.

– Я всего лишь хочу побеседовать с леди.

– Леди не считает данное время удобным для беседы.

– А леди думала о том, что будет, если я обвиню ее виновной в... покушении на убийство.

Кривая башня. Узкие лестницы и шахта. Я вспоминаю о ней почти с теплотой, поскольку там буду в безопасности. Сейчас же, несмотря на стражу, я уязвима.

– Ваше обвинение будет рассмотрено лордом-протектором по возвращении.

– Если он жив.

– Поверьте, – впервые в словах Сержанта мелькает тень эмоций, – его смерть вы бы точно прочувствовали. Весь ваш город прочувствовал бы...

...огненный цветок на тонкой ножке.

Волна.

И пламя, сжигающее воздух, железо, камень, не говоря уже о хрупкой человеческой плоти. Что было бы, не доберись мы до храма?

Ничего. Ни города. Ни скалы. Ни Кормака с его интригами. Хорошая месть миру. Безумная настолько, насколько безумна сама идея мести. Додумать не успеваю: надо идти.

Иду.

Считаю ступени. Теряю стражу.

Хватит ли их на каждую ступеньку? И как долго придется стоять? Вдруг вечность? Я готова ждать вечность, но люди...

А вот и мои апартаменты. Наивная, я думала, что больше не вернусь сюда. Убрать успели, но камин не разжигали, и мне холодно, до самых костей, до дрожи, с которой я никак не могу справиться, хотя стараюсь. Но зубы клацают, пальцы и вовсе судорога сводит.

– Иза, сядь.

Сержанту нельзя не подчиниться.

– Пей.

Вода. И капля вина. Мне бы сейчас спирта, но нашей светлости алкоголизм не к лицу.

– Сейчас ты расскажешь, что произошло. Потом ляжешь спать. Завтра повторишь рассказ, и мы решим, как быть дальше. Ясно?

Куда уж яснее. Только вряд ли у меня получится заснуть. Да и с рассказом... Неожиданно для себя начинаю говорить. О дороге. Снеге, который обещал укрыть следы. О спящем городе. И паладинах – на них нельзя охотиться. О стене. Воротах. Кайя, который вдруг привстает... а если бы наклонился? Пуля прошла бы мимо... это же случайность! Пуля прошла бы мимо...

– Или попала бы не в плечо, а в голову. – Сержант умеет ободрить. Сердобольный, оказывается, человек. С бездной такта.

Зря на него злюсь.

– Если пуля в плече, то это не страшно.

Страшно. Когда алое и расползается. И яд. И боль. И все сразу. А главное – несправедливо!

– Где он сейчас? – Я не сомневаюсь, что Сержант знает. Он вообще знает гораздо больше, чем говорит, и если думает опять отмолчаться... не думает.

– Центр. Библиотека. Точка нулевого притяжения. Там... люди и вещи перестают принадлежать мирам. И Кайя будет просто человеком. А пуля – куском свинца.

Все просто. Элементарно почти.

Как хочется верить.

– Иза, если у твоего мужа хватило сил сдержать всплеск и ума – перенаправить энергию на портал, то с пулей он как-нибудь разберется. Нам всего-то надо подождать пару дней. А теперь – отдых. Только... ты же справишься сама? Раздеться там и все такое... боюсь, я не могу верить слугам.

Справлюсь.

Честное слово. И не надо оставлять со мной Лаашью. Что случится в запертой комнате, на окнах которой решетки? Тем более не собираюсь я спать. Закрываю глаза. Прислушиваюсь к миру. Если Кайя жив, то... я ведь услышу его. Как бы далеко он ни был, услышу.

– Все будет хорошо, – обещаю ему. – Мы справимся...

Я верю.

Меррон никогда не боялась темноты. Скорее уж темнота была союзником: прятала, предупреждала об опасности, разделяя звуки на те, которые не причинят вреда, и другие, заставлявшие Меррон замереть. Но сейчас темнота ничем не могла помочь: Меррон негде спрятаться.

Комнатушка два на два шага.

Каменный пол. Каменные стены. Дверь без ручки. Солома на полу и пустое ведро. Меррон сразу дала себе слово, что скорее умрет, чем воспользуется этим ведром. Но чем дольше она сидела, тем сильнее хотелось в туалет.

Во всем чай виноват... и собственная глупость Меррон.

Чай заваривал Ивар, который учил Меррон зашивать раны. Шить приходилось на свежих свиных тушах, но Ивар уверял, что разницы особой нет, на людях удобней – шкура тоньше, швы аккуратней выходят. Вот весь день Меррон только и делала, что резала, постепенно приучая себя к инструменту – у нее почти получаться стало, – и шила...

А потом Ивар посмотрел на часы и предложил выпить чаю.

Чай у него был особый: он сам выбирал чайный лист, а потом смешивал его с сушеными ягодами барбариса и черники, добавлял вишневых веточек, смородинового листа и мяты. Как было отказаться?

К чаю полагались сухие, верно вчерашние, лепешки и соленое масло.

Вкусно, особенно когда в желудке пусто.

Свиные желудки не так сильно отличались от человеческих. И когда Меррон озвучила эту мысль, Ивар смеяться не стал, но сказал, что свиньи изнутри действительно на людей похожи. Меррон возразила, что свиньи – это свиньи, а люди – совсем даже другое... Ивар тогда предложил ей самой свинью вскрыть и посмотреть, если, конечно, Меррон не брезгует грязной работой.

Подумаешь, свинья. Меррон человека резать доводилось!

Самой! Или почти самой!

В общем, со свиньей она кое-как управилась... и вынуждена была признать, что и вправду похоже. Особенно сердце. И что пальцы у Меррон вовсе не такие гибкие и сильные, как она думала. А Ивар успокоил, мол, пальцы надо разминать, и, подарив два стеклянных шарика, показал, как именно это делать. У него выходило легко, ловко, как у заправского циркача, а вот Меррон шарики то и дело роняла, хорошо хоть на юбки...

– Ничего, – сказал Ивар. – Получится. Не отступайся только.

– Ни за что! – Меррон спрятала шарики в кошелек, невольно отметив, что и это платье можно считать безнадежно испорченным. Мало того, что пропахло мертвецкой, так и выводком пятен обзавелось. Скоро у Меррон не останется платьев... И что делать?

Попросить Сержанта?

А он скажет, что Меррон сама виновата, надо быть аккуратней... или не скажет? Ей ведь не бальные нужны, а что-то простое, удобное и немаркое, как у Летти... или к тете заглянуть, попросить парочку старых... нет, стыдно.

И поздно уже.

Полночь давно минула, и Меррон давно пора было бы вернуться. Не то чтобы ее ждут – Меррон подозревала, что, случись ей вдруг исчезнуть, Сержант очень не скоро заметит пропажу, – но все-таки не в мертвецкой же ночевать!

А спать хотелось, тем более что вставать придется рано... надо повторить симптомы кишечных расстройств и способы лечения, док всегда спрашивает очень подробно. Меррон, конечно, учила, но... лучше, если она повторит.

Возвращалась она погруженная в собственные мысли, где нашлось место свиньям, платьям, слабым пальцам и прочим жизненным странностям, поэтому на незапертую дверь Меррон не обратила внимания. А увидев гостей, лишь удивилась.

И огляделась.

Снова удивилась: откуда в ее... ну ладно, не совсем чтобы ее... в чужом доме столько людей с оружием? А главное, что этим людям надо от Меррон?

– Кто-то ранен? – спросила она первое, что в голову пришло.

– Ранен, – ответил ей капитан и снял шлем. – В самое сердце.

Малкольм? Малкольм. Станный какой в этом железе... зачем ему броня? Меррон спросила.

– Затем, что лишь сталь защитит от предательского удара!

Если так, то, конечно, аргумент.

– А кто тебя предал? – Меррон подумала, что эта встреча даже на руку ей: Меррон жуть как неудобно, что она салон забросила. И она осознает всю важность их задачи, но... но в салоне хватает тех, кто готов менять мир. А док один.

И шанс у него выучиться тоже один.

Меррон не хочет его терять.

Только вот если вдруг Сержант появится, то выйдет неудобно. А с другой стороны, все эти, с оружием, пришли сюда открыто и, значит, имеют право? Она посмотрела на дверь и увидела, что та взломана. Как-то сложно все.

– Ты, – сказал Малкольм.

– Я?

Когда? Это ошибка... наверняка ошибка. Меррон никого не предавала!

– Идем. – Малкольм взял ее за руку и сжал. Больно же! И вообще, что он себе позволяет?

– Я закричу, – предупредила Меррон и сделала глубокий вдох, преисполняясь решимости завизжать, хотя визжала даже тогда, в старом амбаре, когда с деревенскими девчонками на женихов гадали. И ведь все видели что-то, а на Меррон, стоило к ведру с водой наклониться, свалилась крыса.

Хорошо, не бешеная.

Только об этом Меррон и успела подумать: ее ударили.

Очнулась она уже в комнате. Два на два шага. Дверь. Ведро. Солома.

Холод.

И удивление от того, как нелепо все получилось. Меррон не предательница!

– Я не предательница! – Она кричала, пытаясь дозваться до того, кто прятался за дверью. Бесплезно. Если ее и слышали, то всяко не верили. Или им просто наплевать? А Меррон едва не охрипла, когда же охрипла, то села на солому, сунула руки под мышки и стала повторять симптомы кишечных расстройств.

Все больше пользы, чем от слез.

Не дождутся.

...вялые кожные покровы... налет на языке... белая кромка... припухлость живота и болезненность при пальпации... жидкий стул или же наоборот, слишком твердый... при запорах помогает кора крушины или жостера, заваренная кипятком... для длительного лечения язвенных болезней следует заваривать рыльца кукурузы, также льняное семя или кисель из ягод голубики.

...диета...

...хотелось бы знать, Меррон покормят?

...лепешек было мало и давно... сколько вообще прошло времени? Много, если так хочется в туалет... но ведром Меррон пользоваться не станет.

Из упрямства.

А Малкольму выскажет все, что думает о нем... Малкольм разозлится и... снова ударит? У Меррон наверняка синяк появился. Интересно, Сержант заметил бы синяк?

Вряд ли.

И Меррон рассмеялась, она смеялась долго, громко и почти до слез: конечно, дело не в ней. В нем. Он не забыл про ту несчастную сигарету. И с тетей разговаривал, а тетюшка рассказывала про леди Мэй... и про то, чем можно отвлечь Меррон, чтобы она не успела предупредить друзей об опасности.

Дура!

Свадьба эта поспешная... док... вскрытие... занятия, которых слишком много, настолько, что Меррон едва-едва справляется, куда ей о салоне думать... поманили мечтой, как осла морковкой, а она и рада бежать. Не понятно только, откуда вдруг такая забота. Задержал бы вместе со всеми.

Или боялся собственное имя замарать?

Но какая разница, выходит, что Меррон виновата. И вправду предала. Нечаянно, но... этим не оправдаешься. А Меррон оправдываться не станет! Пусть будет все как будет...

И побыстрее бы.

Не надо было столько чая пить.

Только оказавшись по ту сторону портала, Кайя позволил себе закричать.

Голос увяз в пористых стенах камеры.

Стены. Гладкие. Двери нет. Окон нет.

Ничего нет.

И как выбраться? Кайя потом подумает. Сейчас у него другая проблема. Затянувшаяся было рана раскрылась, и по спине потекло горячее. Но боль отступила, концентрируясь в плече.

Еще немного, и Кайя сумеет дышать.

Нашупать входное отверстие, которое слишком мало и неудобно расположено. Вытащить нож из ножен... действовать надо быстро, пока сознание сохраняет ясность.

– Система предупреждает, что выбранный сценарий не является оптимальным. Система предлагает объекту использовать стандартный модуль.

Лишенный интонаций голос мог принадлежать лишь одному существу. И пожалуй, сейчас Кайя был рад его слышать.

– Где?

Часть стены исчезла. Открывшийся за ней коридор был естественным продолжением комнаты. Та же неровная, теплая в прикосновении поверхность, кажущаяся живой. Ни стыков. Ни сочленений. Рассеянный свет, источник которого невозможно определить.

– Система сообщает, что изменение вектора выброса ментальной энергии позволило избежать негативного воздействия на живые объекты.

– Я рад.

– Но система зафиксировала повреждения транспортной системы.

– Извини.

– Система не фиксирует в голосе объекта интонационного подтверждения наличия эмоции раскаяния.

– Я не раскаиваюсь.

Поврежденный портал, в принципе созданный для критических ситуаций, был малой платой за то, чтобы спасти город.

– Система задействует дублирующие контуры транспортной системы, что сделает возможным обратный переход. Система просит санкционировать регенерацию основных контуров транспортной системы.

– Да. Делай, что считаешь нужным.

Коридор не поворачивает, скорее, изгибается, и пол то становится выше, то ниже. Далеко еще? Далеко Кайя не вытянет. Он отвык быть слабым. А дойти надо.

– Системе было отказано в контакте с объектом.

– У меня имя есть.

– Системе разрешено использовать имя?

Боль то стихает, то вспыхивает. Но эта – ничто по сравнению с той, к которой Кайя был не готов. Сам виноват. Расслабился. Поверил в собственную неуязвимость.

И едва не убил всех.

– Системе требуется подтверждение.

– Используй. Имя. Я дойду?

– Вероятность девяносто девять и девять десятых процента.

– Я выживу?

– Вероятность девяносто семь и три десятых процента.

Уже легче. И коридор заканчивается, точнее, разрастается в некое подобие пещеры. Складчатый потолок и бугристые стены. Пол, покрытый толстым слоем слизи, из которой поднимаются суставчатые хвосты, словно змеи, увязшие в прозрачной смоле. Змеи покачиваются и разговаривают друг с другом мелодичным звоном. Если, конечно, звенит в ушах не от потери крови.

– И что это?

Кайя ждал... он не знал, чего ждал. Операционного стола, вроде того, которым пользуются полевые хирурги. Со стальным покрытием, желобками для стока крови и ремнями.

Доктора, столь же неживого, как Оракул.

Чего-то кроме, но похожего, смутно знакомого такому дикарю, каким был он.

Змеи поворачиваются к Кайя, звон нарастает, и по слизи-смоле идет рябь.

– Моя жена... – Если прислониться к стене, то стоять легче. – Я должен знать, что с моей женой. На ней маячок. Ты можешь защитить ее? Пожалуйста.

Из слизи формировался пузырь. Полый. Тонкостенный.

Растущий.

– Система определит местоположение объекта. Возможности физического воздействия системы на живые объекты ограничены. Вмешательство системы допустимо в случае непосредственной угрозы существованию человеческой популяции на подконтрольной Кайя территории.

– Если... – Кайя облизал губы, – если с Изольдой что-то случится, я уничтожу эту популяцию.

– Система предполагает низкую вероятность исполнения данной угрозы. Возможности физического воздействия Кайя на живые объекты также ограничены.

– Найди Изольду!

Пузырь разрастался. От поверхности его к потолку протянулась витая нить, словно пуповина. А пузырь наполняется жидкостью, мутной, кровавой.

– Найди. Иначе какой смысл?

– Вопрос не понятен. Система не обладает возможностью адекватной оценки абстрактных категорий. Система установит местоположение объекта. Система не имеет ограничения на вербальное воздействие. Система исполнит заявку.

Это следовало считать согласием. Вербальное воздействие? Это словами... возможно, слов, сказанных Оракулом, будет достаточно.

Кайя выронил нож.

– Скажешь ей, что со мной все хорошо?

– Да.

– И что ей не о чем волноваться?

– Амниотический модуль сформирован. Система предлагает Кайя воспользоваться им.

Пузырем? Как? Кайя ступил на слизь, которая оказалась твердой. И скользкой. Положив ладони на стенку пузыря, неожиданно плотную, кожистую даже, Кайя ощутил пульсацию.

Но ни кнопок, ни рычагов не увидел.

– Если Кайя готов, система даст сигнал.

– Нет. Погоди. Мне раздеться?

– Искусственные покровы будут растворены. Металл будет растворен. Предметы, представляющие ценность для Кайя, следует оставить вне полости камеры.

Предметы... кольцо. И медальон, который не получается расстегнуть, но Кайя пробует раз за разом, потому что не желает рвать цепочку. Попытки с двадцатой выходит. Ближайшая змея свивается желто-красным клубком, в центр которого Кайя кладет медальон. Добавляет кольцо. И нож. С остальным возиться некогда...

– Я готов.

Наверное.

Он не успевает понять, как оказывается внутри пузыря. Жидкость тягучая, едкая залепляет глаза, заливается в нос. Кайя сжимает губы, не желая вдыхать ее.

Не выплыть. Не вырваться.

Тело немеет. Теряет вес. Движения замедляются. И спазм заставляет сделать вдох. Одного достаточно, чтобы заполнить легкие. Воздух выходит цепочкой пузырьков, которые оседают на внутренних стенках камеры.

Боли нет.

Страх нет.

Только покой и та ощущавшаяся извне пульсация.

Глава 2

Тревожные дни: начало

*Если вы не боитесь темноты, значит, у вас плохо с воображением.
Признание человека,
которому удалось приручить монстра-живущего-под-кроватью*

Сержант не был готов к тому, что произошло.

Он собирался возвращаться в замок, когда услышал отголосок алой волны. Далекий. Знакомый.

...огненная плеть разворачивается спираль за спиралью.

...жар идет изнутри.

...кровь льется из носа и ушей. Звуки уходят. Разум рассыпается, как стекло под ногами.

Разноцветное стекло витража в маминой спальне.

Желтый. Синий. Зеленый.

Остается только красный.

Красная ночь – это даже красиво. Дар забирается на подоконник и всем весом наваливается на решетку, силясь вытолкнуть ее из проема. Кажется, режет руки. Но боли больше нет. Только желание пойти туда, где пламя танцует на крышах домов. Из окна все замечательно видно... а решетка упрямая.

Дар не отступит.

Ему очень надо туда, к людям. Или людям к Дару.

Зачем?

Ответа пока нет, но Дар непременно поймет, что ему делать, когда увидит людей.

Дверь, надежная и красивая, – мама говорила, что ее привезли из-за моря, только там растут деревья с древесиной нежно-розового цвета – разваливается пополам. А Дар отпускает решетку. Спрыгивает с подоконника. Он босой и чувствует, как стекляшки впиваются в кожу, но сейчас, красной ночью, это кажется нормальным. Как и следы на полу.

Люди ждут.

Они давно пришли во дворец и поселились здесь, хотя мама и была против. Она говорила брату, что боится их, а брат смеялся. Не надо бояться людей.

Они такие же, как мама. Отец. Дар.

Все равны.

Особенно если ночь за окном красная.

– Смирный щенок. – Чья-то рука хватается Дара за шиворот и подымает. Трещит холстина – брат сказал, что равные люди должны носить одинаковую одежду, – но выдерживает. На Дара смотрят.

Красной ночью у людей красные глаза.

И лица одинаковые. Разные, но одинаковые тоже. И Дар никак не может разгадать эту странную загадку. Как такое возможно? Он висит смирно, даже когда его встряхивают.

От людей плохо пахнет. Хуже, чем обычно.

И когда грязные пальцы лезут в рот, Дар дергается. Получает затрещину и свободу. Надо бежать, но... брат говорил, что Дар должен быть ближе к людям.

К тому же он еще не понял, что ему делать.

Ведут, подталкивая в спину. И смеются, глядя, как Дар пытается переступить через тело. Он узнает человека – дядька Вигор, который папиной охраной командовал, – и удивляется, почему тот лежит. Ночь за окном. Красная. Идти надо.

А дядька Вигор мертвый. Совсем.

И другие тоже.

К одному Дара подводят и заставляют смотреть на развороченный живот, приговаривая, что так будет со всяким, кто не желает признать, что люди равны. И Дар соглашается: это справедливо.

Еще немного, и он поймет.

Алая плоть снаружи звенит надрывно, словно нить, натянутая до предела, и нитью же рвется, выпуская в город много-много огня...

...однажды брат создал из пламени кошку, и та сидела у Дара на коленях, смирная, ласковая.

Играть позволили...

...в город выбежало множество огненных кошек.

Отец лежит в конце коридора. И мама с ним. Вернее, за ним, в нише, где раньше стояла высокая ваза. Дар узнал мамино платье из темно-синего мягкого бархата, который ему жуть как нравился – шелк скользкий, а бархат, он живой почти.

Крови много. Мама говорила, что в человеке целый кувшин крови наберется, но тут – больше.

И папа меч выронил. Он никогда не ронял оружие.

Присев на корточки – люди окружили, – Дар меч взял, вытер рукоять, чтобы не скользила. Поднялся.

– А ты говоришь, детей убивать нельзя, – с удовлетворением сказал человек. – Всех вырезать!

На губах его появилась пена.

– За что? – Дар со стороны слышал собственный голос.

– За свободу!

Странно. Разве мама мешала кому-то быть свободным? С другой стороны, он понял, что нужно делать с людьми.

Дар вышел из дворца, волоча меч за собой. Острие царапало камни, и мерзкий звук отпугивал огненных кошек, которых и вправду было много. Они носились по крышам, скрывались в окна и рычали, если Дар подходил близко. Иногда встречались люди.

Людей Дар убивал. Это оказалось проще, чем он думал: люди были странными, ночь их изменила.

На площади Дару преградил путь человек в черном доспехе.

– Ты кто? – спросил он.

– Дар Биссот.

– Еще кто-то из твоих выжил?

– Нет.

– Брось меч.

– Нет.

От пинка Дар не сумел увернуться. И, отлетев, ударился в стену, но меч не выпустил.

– Брось, – повторил рыцарь, наклоняясь. Глаза у него были рыжими, как у брата в последние дни.

– Нет.

Дар вцепился в рукоять изо всех сил. И держал, сколько получалось. Огненные кошки сбежались посмотреть. Они расселись по крышам, заняли окна, а некоторые, самые смелые, спустились на землю. Но ни одна не рискнула помешать черному человеку.

Очнулся Дар в куче сена от боли. Никогда раньше ему не было настолько больно, и Дар стиснул зубы, чтобы не заплакать. Пальцы не шевелились. В груди что-то хрустело. Но двигаться он мог. И полз, пытаясь выбраться на волю.

– Ох ты, горе луковое! – Его вытащили из соломенной кучи, и Дар все-таки заскулил.

Ночи больше не было. День. Свет яркий до того, что смотреть невозможно. Воздух, который изнутри разъедает, а дышать приходится ртом, потому как нос забит.

– Не шевелись, хуже будет.

Перевернули на бок, укрыли чем-то теплым, лохматым, пахнущим мокрой шерстью и дымом.

– Не смотри...

Дар смотрел. Наперекор. И потому, что должен был видеть. Край одеяла из овчины. Солому. Тюки, наваленные безо всякого порядка. Крестовину меча. Солдат, идущих рядом с повозкой. Дорогу. Кресты... много крестов. Людей на них. Люди еще жили. Кричали. Плакали. Стонали. Говорили что-то, и Дар радовался, что умрут они не скоро. Но когда умрут, то будут наконец свободны.

Они ведь именно этого хотели...

Крестов хватило на три дня пути. На четвертый Дар сдался и начал есть.

Красная ночь возвращалась в снах до самой смерти Арвина Дохерти. В последний год его жизни Сержант каждый день ждал выброса. Ошибся.

И вот теперь снова.

Грохот нарастал и, верно, был слышен и обычным людям. Сержант отстраненно думал, что не успеет сделать все.

Вернуться в замок.

Найти Меррон. Забрать Снежинку.

Пробиваться лучше в порт. Там – лодка, и до острова... в городе нет никого, кто хотя бы частично поглотит удар. Люди обезумеют. Сколько нужно времени, чтобы они перебили друг друга? Или хотя бы ослабели достаточно, чтобы выбраться за пределы... города? А за чертой? Как далеко накроет откат?

Волна набирала силу и... гасла, не достигнув порога. Набирала и...

– Гарнизон к оружию! – Сержант толкнул оцепеневшего дозорного. – Всех поднимай!

Гасла... гасла...

Рвалась.

Не вырвалась. Умерла нерожденной, и в наступившей тишине Сержант слышал, как в едином ритме стучат сердца людей, которых вдруг стало много. Они слышали зов и были готовы откликнуться...

...как и горожане.

Высыпали на улицы. Напуганы. Растеряны. Не знают, что чудом живы остались, и лезут под копыта.

– С дороги!

Хорошо, к эпицентру не сунутся, не по знанию, но подчиняясь инстинктам. Иногда даже хорошо, что люди – это животные.

Впереди – распахнутые ворота, чернота храма и яркая мурана, потянувшаяся было – чувствует родство, – но отпрянувшая: не признала.

Изольда в полудреме.

Кровь на полу... немного.

И храм стоит, значит, получилось. Город пощадили. Изольда жива. Дохерти вернется. Осталась малость – дожить до возвращения.

Разум рассчитывал варианты. Немного. Пробиваться к границе или хотя бы на Север. Сколько пойдет за Сержантом? Сотни две, вряд ли больше. И долго эти сотни не продержатся.

Корабль?

Море зимой неспокойно. Да и Сержант ничего не смыслит в корабельных делах. Значит, придется довериться. Нельзя доверять.

Остается замок. Осада. И надежда, что Дохерти соизволит не задерживаться в нулевой зоне.

Вернуться получилось, как и добраться до Башни.

Выставить охрану.

Опоздать к Меррон.

Сиг, которому поручено было найти и взять под охрану, лишь руками развел и пробормотал, оправдываясь:

– Какого ляду ты сразу охрану не приставил?

Сержант и сам себя спрашивал. Ответа не было, кроме собственного тупого упрямства и желания сделать все наперекор. Ему ведь рекомендовали. Предупреждали. Настаивали.

И померещилось, что принуждают.

– И это... там к тебе... – Сиг отворачивается.

А ведь Меррон ему не по вкусу пришлась, высказался, что Сержант к одной кобыле вторую нашел.

Леди Элизабет сидела за столом, на том самом месте, которое облюбовала ее племянница. Та забиралась на стул с ногами, и узкие длинные ступни выглядывали из-под полы. В задумчивости Меррон шевелила пальцами и почесывала пером пятку. А потом совершенно искренне удивлялась, откуда на чулке чернила. Она тяжело привыкала к смене места. Беспокоилась. Вздрагивала от малейшего шороха, сама того не замечая. Стеснялась трогать его вещи.

И бесстыдно спала нагишом.

– Я... – Леди Элизабет сглотнула. – Прошу прощения, что... без приглашения, но...

Она не представляла, как сказать то, что должна была. И Сержант помог.

– Вас прислали сообщить мне, что Меррон вернут, если я проявлю благоразумие.

– Д-да.

Надо было слушать, что говорили. И самому думать. Спрятать. Запереть. Запор не спас – дверь выломали, показывая, что в этой игре сменились правила. Кормак больше не собирается соблюдать закон.

А ведь казалось, успеется, есть время в запасе и нет мотива. Доверенное лицо – слишком незначительная фигура, чтобы руки марать.

Кто знал, что счет пойдет на минуты?

Кто-то знал. И отдал приказ вынести дверь. Охрану тоже вырезал бы. Но это – не оправдание.

– Если вы не согласитесь, – по тону леди Элизабет стало очевидно, что она именно так и думает: Сержант не согласится, – то Меррон убьют. Вам просили передать...

Сверток на столе, на который леди опасается смотреть: ее уже ознакомили с содержимым. Сержант медлил разворачивать тряпицу, пропитавшуюся кровью, побуревшую, заскорузлую.

Они не причинят вреда Меррон.

Ценный товар.

Пока уверены, что ценный, – не причинят...

В холстине – палец и прядь волос. Палец мужской, слишком толстый, короткий и с желтым ногтем. Да и резали после смерти. А вот волосы – Меррон.

– Это не ее палец. – Сержант взял прядку, перевязанную красной нитью. – Она цела и будет цела.

Некоторое время. Потом убьют, даже если он исполнит то, что просят, – а Сержант сомневался, что сумеет исполнить. Кому нужны свидетели? Вопрос лишь в том, насколько мучительна будет эта смерть. Возможно, Меррон повезло, что она некрасива.

– Кто вам это принес?

– Леди Мэй.

Мелькнула надежда, что шанс все-таки есть. Обменять Меррон на тех любителей литературы, которые ждут возвращения лорда-дознавателя. Среди них, кажется, две дочери леди Мэй.

А вот сын ушел. Жаль. С сыном надежней было бы.

– И чего она хочет?

– Чтобы вы передали леди Изольду под опеку Совета.

Шанс умер.

– Завтра к вам обратятся... представители... и если вы... вы откажете...

Она все-таки разрыдалась, а Сержант ничем не мог ее успокоить. Он откажет. И попробует потянуть время. Выторгует сутки. Или двое. А дальше... всегда кем-то приходится жертвовать. Он ведь предупреждал об этом. Одна радость – за порогом жизни Меррон не придется долго.

А еще будет вечность, чтобы объясниться.

Вечность – это долго. Возможно, когда-нибудь Сержанта простят.

Срезанную прядь Сержант спрятал в карман, огляделся... место так и осталось чужим, как все предыдущие места, в которых случалось останавливаться. Из вещей жаль было лишь фарфоровую кошку. Ее Сержант стащил у леди Элизабет, почему-то казалось, что с этой дурацкой кошечкой Меррон легче перенесет смену места жительства. И нехорошо бросать обеих.

Кошку он тоже забрал.

Юго удалось вернуться незамеченным. Люди были слишком взбудоражены, чтобы обращать внимание на других людей, тем более столь незначительных.

Они слышали то же, что слышал Юго?

Слышали. И знают, что город едва не погиб. И Юго тоже. Но он жив, и это хорошо.

Умылся свежим снегом, горсть отправил в рот – талая вода всегда придавала сил. Спрятавшись у разбитого окна – чьи-то нервы сдали, – Юго задумался. Контракт исполнен, и он в любой миг может покинуть мир.

Он всегда уходил.

Это логично. Разумно. Предусмотрительно.

Но сейчас... ему не хотелось.

Думалось о брошенной винтовке, которую всенепременно найдут. О том, что винтовка слишком чуждая для этого мира, и, следовательно, будет очевидно, что принесли ее извне. Это ли не лучшее доказательство вины недоучки?

Имеется мотив.

Имеется возможность.

И если бы город все-таки задело, никто не стал бы искать правды. Кому она нужна? Нужен виновный, тот, кого уже в достаточной мере ненавидят, чтобы ненависть стала лучшим из доказательств.

О да, Тень, маленькая хитрая тварь, сбежала, не желая видеть, чем закончится ее игра. Испугалась? Юго и сам испугался. Тогда, на площади, Дохерти тоже едва не вспыхнул, но иначе. Эта же волна была другой. Всем бы хватило, в том числе и Юго. Но Кайя Дохерти добрался до храма, город уцелел, и стоит ли гадать о том, что было бы, окажись протектор на Белом камне. Оттуда выбраться сложнее. А город в достаточной мере близок, чтобы задело. Разрушило. Но не до основания...

Безумные, безумные люди... напуганы. И со страху творят куда больше глупостей, чем обычно.

Юго надо решить, что делать дальше. Новый контракт помог бы, но следовало хорошенько подумать над тем, с кем его заключать.

Утро началось с рассветом. Я сумела встать с постели, приняла ванну и оделась не без помощи Лаашьи. Благо за ночь в Башне появилось множество крайне полезных вещей.

Выбрала платье из ярко-красного бархата с золотым шитьем и алмазными капельками. Платье было вызывающе роскошным, но я должна выглядеть как леди и хозяйка замка, а не заключенная.

К платью подошло ожерелье из крупных рубинов.

Жаль, цепь и корона в сокровищнице, а я понятия не имею, как туда добраться.

Обойдусь.

Подали завтрак. Я заставила себя есть, потому что еда – это силы, а силы мне понадобятся. Лорд-канцлер желает говорить со мной? Наша светлость готовы уделить ему время.

Но сначала нам нужен совет. И кое-какие детали выяснить.

Голова была ясная. Мысли – четкие. Злые.

Отрывистые.

Никогда прежде я не ощущала себя настолько сосредоточенной. Пожалуй, никогда прежде моего мужа не пытались убить всерьез. Но о нем-то как раз вспоминать не стоит – расклеюсь.

Сержант появился именно тогда, когда я была готова к встрече с ним.

– Доброе утро, леди. – Спокоен, привычно отстранен, словно происходящее волнует его крайне мало. Этот человек – мой единственный щит, и я знаю, что он вынужден будет защищать меня, но... знаю, что приказ возможно обойти. Мне нужен не сторожевой пес, а союзник. Вот только как-то не ладится у меня с союзами.

– Доброе утро. Наверное.

– Вы выглядите подобающим образом.

– Кормак будет впечатлен?

– Вряд ли. – Сержант присел.

А он не переоделся даже. Он вообще отдыхал? Сомневаюсь. И если отдохнет, то нескоро. Сколько у него людей? Таких, которые верят? И при необходимости возьмутся за оружие?

– Кормак будет испытывать вас. Обвинять. Унижать. Угрожать. Все, что угодно, лишь бы вывести из равновесия.

Это я понимаю. Не понимаю лишь, почему Сержант избегает смотреть в глаза. Со вчерашнего вечера что-то изменилось, но я не понимаю, что именно.

– Он предложит сделку. Но не вздумайте соглашаться.

– Какую сделку?

– Даже если вы согласитесь, это согласие ничего не будет значить для меня. Равно как и ваши приказы. Я им просто не подчинюсь.

Откровенно. И странно, но следует дослушать.

– Мой долг – обеспечить вашу безопасность. Любой ценой.

И ему цену уже озвучили.

– Поэтому до возвращения вашего мужа вы не покинете Башню.

– Где Меррон?

Его нельзя запугать или подкупить, но можно шантажировать.

– Это не имеет значения. Дети протекторов в основном наследуют способность к изменению. Но встречаются и такие, как Магнус. Или я.

Не имеет значения? Что значит это его «не имеет значения»?

– Анализ крови позволяет сделать определенные выводы. В моем случае была допущена ошибка. В теории я должен был измениться, поэтому и учить меня начали рано. Однако к восьмилетнему возрасту я оставался... нормальным. Было решено, что брат меня подавляет. Два года я провел в нулевой зоне. Там довольно интересно, если найти с системой общий язык, но инициировать изменения не удалось.

Молчу. Слушаю. Вопросы мне позволят задать позже, но не факт, что ответят.

– Я вернулся домой и увидел, что дом стал другим. Брат стал другим. Темнее. Если понимаете, о чем речь.

Понимаю. И Сержант продолжает рассказ:

– Отец пытался его удержать в рамках и пропустил момент, когда еще можно было уехать. Впрочем, он сам не способен был покинуть пределы протектората, а мать отказалась уходить одна.

– А ты?

Неуместный вопрос, которого Сержант попросту не слышит.

– Брат и вправду думал, что делает мир лучше. Всем и поровну. Всего. Исчезнет нищета. Грязь. И болезни тоже...

Понятно. О том, чтобы отослать Сержанта в безопасное место, никто не подумал.

– Он расшатывал мир, а мир расшатывал его. Идея развивалась. Богатых не стало, но число бедных отчего-то не уменьшилось. Во дворце появились свободные люди. Они и вправду решили, что свободны во всех желаниях. И в стремлении уравнять всех только наша семья все равно оставалась иной. Вот если бы ее не стало...

Как понимаю, к этому логическому выводу и пришли те самые свободные люди.

– Протекторы опоздали. Я не видел, как это было, но знаю. Брат убил отца. Мать. А потом просто позволил волне выплеснуться на город. Ее погасили, насколько смогли, но людям хватило. Волна стирает разум, снимает все границы. Остается желание убивать. Оно... не безумное, скорее, очень естественное. Правильное. Я остановился, встретив Арвина Дохерти. Вернее, он меня остановил. И останавливал еще несколько лет.

И, судя по мелькнувшему выражению, сделал это не уговорами.

– Мне до сих пор нравится убивать, но я это желание контролирую. Все люди, которых распяли, были изменены волной. Протекторы использовали их... как предупреждение.

– Для кого?

– Для других людей. Но и этот урок, похоже, подзабылся. Если бы вчера вы не дотянули до храма, мир получил бы новый.

Вот и суть огненного цветка. Ядерный взрыв? Нет, пожалуй, ядерный взрыв куда как милосердней.

– Арвин Дохерти взял с меня клятву служить семье. Вернее, выбил. Вероятно. Я был довольно упертым. И отказывался подчиняться. Ему надоело. И однажды я просто не сумел проигнорировать приказ. Потом были другие. Много. Пока Дохерти не убедился, что я веду себя правильно. Тогда он оставил меня в покое. Полагаю, временно. К счастью, он умер. Я не знал, насколько твой муж... не похож на него. И сделал единственное, что мог, – не привлекал внимания.

И у него получалось, пока однажды наша светлость не совершила незапланированную прогулку.

– Изначальный приказ – оберегать тебя. От всего. Любой ценой. Но... – Сержант сжал кулак, и пальцы хрустнули. – Но этот приказ не нужен. Нельзя допустить здесь того, что было во Фризии. Люди не понимают, какой силой пытаются управлять. Им кажется, что твой муж – добрый, мягкий человек, на которого можно и нужно воздействовать. Сам виноват. Но он не человек. Потеряв ориентир, Кайя Дохерти из самых благих побуждений утопит эту страну в крови. Их же руками. Их же желаниями. Поэтому, Изольда, дело не в тебе. Не во мне. Не в Меррон. В них. И в том, чтобы не позволить им убить себя.

Остановить детей в их затянувшейся игре над пропастью во ржи?

Но детей больше. Они сильнее. И считают, что правы.

– А что будет с тобой?

Не спрашиваю, как вышло, что он не защитил Меррон. Сержант и сам задаст себе этот вопрос. Возможно, найдется с ответом.

Он попытается ее найти, но...

– Не знаю. Вряд ли что-то хорошее, но на мире это не отразится.

Глава 3

Переговоры

*Никогда не делайте зла назло! Гадости должны идти от души.
Девиз доброго человека*

Меррон заснула. Она не собиралась спать, потому как спящий человек, во-первых, беззащитен, во-вторых, не способен придумать план побега, а в-третьих, из чувства протеста, но все-таки уснула.

На полу.

Пол был холодным, а сон недолгим и муторным. Меррон опять от кого-то пряталась, понимая, что прятаться бессмысленно, бежать тоже. Но когда заскрипела дверь, Меррон вскочила, намереваясь именно бежать... только нога затекла. И плечо. И вообще, как побежишь, когда на твоём пути сразу двое, в железе и при оружии.

– Не шали, – предупредил тот, который повыше. – Хуже будет.

Куда уж хуже?

Хотя... пожалуй, Меррон пока воздержится выяснять, пусть думают, что она испугалась. И вообще надо вести себя так, как положено вести женщине, попавшей в непростую ситуацию.

В обморок?

Или просто заплакать?

– П-пожалуйста, не трогайте меня! – Она заслонила лицо руками, сквозь пальцы разглядывая визитеров. – Умоляю!

Получилось не слишком жалобно, и Меррон громко всхлипнула. А слезы вот отказывались появляться...

– Да кому ты нужна, – буркнул второй, этот был без шлема, и факел отражался в глянцевой его лысине. – Шевели копытами, коза.

Коза... хоть бы кобылой обозвали, всяко благородное животное. А коза – мелкая и бодучая тварь с вредным характером. Нет, козой Меррон себя не ощущала. Она ссутулилась – благо имелся опыт – и, обхватив себя руками, шагнула к порогу. Дрожь изображать не пришлось. От холода Меррон трясло так, что зуб на зуб не попадал.

– К-куда идти?

Узкий коридор. Темный. И нет креплений для факелов. Следовательно, стражи постоянной тоже нет. Кому понравится сидеть в темноте? Да и дверь надежна... на дверь Меррон оглянулась. С виду толстая, такую ногтями не процарапаешь. И замок внушительного вида... и вторая, которой заканчивался коридор, выглядит столь же серьезно. Значит, отсюда сбежать не выйдет.

Откуда тогда выйдет?

Дверь открыли, Меррон втолкнули, и от грубого прикосновения она сжалась. Влетела в комнату. Упала, благо ковер был мягким. И наверняка выглядела достаточно жалко безо всяких на то усилий.

– Вставай, предательница.

Малкольм не подал руки.

Ну и хрен с ним, Меррон сама не приняла бы. Она поднялась, расправила юбки – дрожь не унималась, и, пожалуй, это было хорошо. Пусть думает, что Меррон боится.

А она и боится. Она ведь не дура и понимает, что вряд ли ее отпустят живой.

– Всего пару часов в камере, и какие перемены... ты выглядишь жалко.

Кто бы говорил! Вырядился в доспех... рыцарь. А сапоги с каблуками. И на шлеме шишечка, чтобы выше казаться. И поза эта картинная.

– Я не понимаю. – Меррон опустила взгляд, уставившись на собственные туфли, к слову, крепкие весьма, из хорошей козлиной кожи. Ну не в шелковых же башмачках ей в мертвецкую бегать. – За что...

– За предательство! Мои сестры томятся в темнице!

Значит, угадала. Сержант, скотина этакая... только вряд ли поверят.

– И братья по духу. Где они?! Из-за тебя...

– Я... я ничего никому не говорила!

Меррон ненавидела оправдываться. Чувствовала себя полным ничтожеством. И лгуньей. Даже когда говорила чистую правду, вот как сейчас.

– Неужели? – Сколько сомнения в голосе. – Но ты здесь. А они там...

И не факт, что «там» много хуже, чем «здесь».

– Ты тоже здесь. – Меррон сказала и прикусила язык. Вот не следует злить Малкольма... и пощечина, которую он отвесил, стала лучшим тому подтверждением.

А ведь когда-то он Меррон нравился.

Говорил красиво, о свободе и еще справедливости. Вот, значит, какова справедливость на вкус.

– Садись! – Малкольм вцепился в плечо и толкнул.

К столу. Обыкновенному такому столу у окна.

Закрытого.

Стеклянного.

Стекло бьется, и если вскочить на стол, то... нет, пожалуй, от самоубийства Меррон пока воздержится. Она слишком зла на всех, чтобы умереть. Да и не ясно пока, что Малкольму надо.

Облизав лопнувшую губу – теперь долго кровить станет, – Меррон села. Огляделась.

Комната. Небольшая, незнакомая. Окно одно, то самое, перед которым стол стоит. Стену слева занимают полки с запыленными книгами. Стена справа пустая. Мебели почти нет. Оружия в принципе нет. Если только стулом по шлему... стул внушительный.

Но сумеет ли Меррон попасть? И что сделает Малкольм, если она промахнется? Сейчас он внимательно следит за каждым ее жестом, значит, обмануть не выйдет.

– Товарищеский суд приговорил тебя к смерти.

...В этом Меррон не сомневалась. Кто из товарищей Малкольма послушается?

– Однако тебе представится возможность искупить свою вину.

– К-как?

Нельзя смотреть Малкольму в глаза, он поймет, что Меррон недостаточно напугана, чтобы остатки разума растерять. А куда смотреть?

На лист. Белый лист, закрепленный на подставке. Чернильница есть. Перья... а ножа для бумаг нет. Песок. В глаза? И стулом по голове?

Малкольм, словно заподозрив неладное, отошел к двери. А за ней двое охранников, которые на шум явятся. С тремя Меррон не сладить. И значит, голову ниже, вид несчастней, и думать, думать...

– Пиши.

– Что?

– Письмо.

Ну Меррон поняла, что не записку любовную.

– Кому и какое?

– Мужу своему. Правдивое.

Знать бы, что сейчас считается правдой.

– Что ты совершила ошибку...

...связавшись с Малкольмом...

– ...и очень в ней раскаиваешься.

...причем совершенно искренне и до глубины души!

– ...умоляешь его проявить благоразумие и отпустить невинных людей, тобой оклеветанных. А также признать полномочия Совета и подчиниться ему.

Совет? При чем здесь Совет? Малкольм утверждал, что Совет – сборище глупцов, скопцов и скупцов. Некогда это казалось забавной шуткой. И не смешно было, что эти люди правят страной, соблюдая лишь собственные интересы. А теперь получается, что от Сержанта требуют подчинения?

Значит, он пошел против Совета и...

...и опять выходит, что дело не в Меррон, а в нем.

– Не буду. – Меррон закрыла глаза, ожидая удара.

Не последовало. Напротив, Малкольм почти нежно коснулся волос.

– Жалеешь его?

Разве таких, как Сержант, жалеют? Он сам по себе. И делать будет только то, что сочтет нужным.

– Знаешь, почему он на тебе женился?

Понятия не имеет.

– Потому что ты страшная...

...какой-то нелогичный аргумент.

– ...настолько страшная, – пальцы Малкольма вцепились в волосы и потянули, заставляя запрокинуть голову, – что его любовница может не ревновать.

Любовница? Подумаешь. У всех мужчин есть любовницы. Так принято. И все жены терпят. Чем Меррон лучше других? Она же хотела равенства. Вот и оно.

– Ты же знакома с леди Изольдой? Она красивая... утонченная...

Ну и что? Какое Меррон до этого дело? Обидно немного, но как-нибудь переживется, перетерпится.

– И сейчас твой муж, который клялся защищать тебя, почему-то защищает ее...

– Тогда, – Меррон сглотнула, – тем более нет смысла писать письмо.

Или опять ее бить. Красные капельки на листе – это почти узоры. А письмо... если им так хочется, то Меррон напишет. Как там положено обращаться? Тетя ведь учила писать красивые письма. Чтобы вежливость к собеседнику и все остальное. На вежливость Меррон пока хватит, а без остального как-нибудь обойдутся.

Дорогой супруг...

А дальше?

...мне очень жаль, что все так получилось, но я совершила ошибку и очень в ней раскаиваюсь.

Не следовало связываться и с тобой тоже.

Вообще уезжать из поместья. Там яблони, варенье и река. Рыбалка, когда тетушка уходит спать. Удочки старый Грифит прячет в сарае и не ворчит, что приличные девицы по ночам не шастают... рыбу опять же принимает. Потрошит, солит и развешивает под крышей сарая. И рыба сохнет, пока не высыхает до каменной твердости, но тогда она – самая вкусная. И даже Бетти от нее не отказывается.

Тетушка наверняка расстроится, когда Меррон не станет.

Себя винить будет.

А тетя единственная, кто и вправду ни в чем не виноват.

Говорят, что, если ты проявишь благоразумие и подчинишься Совету, меня отпустят. Но очень в этом сомневаюсь.

Меррон потрогала языком разбитую губу.

В целом все пока неплохо. Жива. Относительно цела. Пока еще здорова.

...а в ночное Бетти отпускала. Костры. Жареный хлеб с черной коркой – вечно Меррон пропускала момент готовности. Мясо. И страшные рассказы. Лошади. Луна.

Там было счастье.

Не ценила.

Вряд ли мы когда-нибудь увидимся, и хотелось бы думать, что ты иногда будешь обо мне вспоминать. Передай тетушке, что я очень ее люблю.

Целую нежно.

Меррон.

Она сыпанула на лист песка, и тот прилип к красным пятнам, Меррон дула-дула, сдувая, пока Малкольм не забрал лист. Пробежался взглядом по строкам и сказал:

– Сойдет.

Наградой за сотрудничество стал почти роскошный обед: хлеб, сыр, вода. Позже и одеяло принесли. Значит, пока Меррон нужна была живой.

Хорошо. Есть время подумать.

Все-таки ненависть изрядно бодрит. Смотрю на лорда-канцлера и прямо-таки нечеловеческий прилив сил ощущаю. Вот и тянет с милой улыбкой огреть по голове... вот хоть бы бронзовым львом-чернильницей.

Или гадость сказать.

Но нет, сижу, улыбаюсь, жду, пока Кормак соизволит начать беседу. Это ведь он к нашей светлости стремился, а не наоборот. Кормак разглядывает меня, не трудясь скрыть презрение, хотя, полагаю, оно – часть задуманного представления. Не уверена, что этот человек способен испытывать искренние эмоции. Если когда-то и умел, то умение подрастерял в дворцовых играх.

– Леди...

– Ваша светлость, – поправила я.

– Ваша светлость, – и поклона удостоилась, нарочито вежливого, церемонного, – я рад, что с вами все в полном порядке.

– Я тоже очень рада, что со мной все в полном порядке. Присаживайтесь.

Отказываться он не стал, опустился в кресло и вытянул ноги, упираясь каблуками сапог в стол, точно грозя опрокинуть его на нашу светлость.

А там и добить. Тем же бронзовым львом...

Впрочем, Кормак, как и я, желания контролирует. Но молчаливое присутствие Сержанта благотворно сказывается на моих расшатанных нервах.

– Могу я узнать, что случилось вчера? – Кормак проводит по краю стола пальцем. Проверяет качество уборки?

– Стреляли.

Я уже знаю, что стрелок скрылся, а винтовка осталась. И это оружие явно рождено в другом мире.

– Кто стрелял?

– Помилуйте, мормэр Кормак, откуда мне знать?

Не верит, вернее, дает мне понять, что не верит ни единому слову, но я не спешу возмущаться и требовать справедливости. Жду. Пусть скажет то, что собирается сказать.

– Кайя Дохерти мертв?

– Нет.

Я знаю это совершенно точно.

– Ваша светлость, надеюсь, понимают, в сколь сложном положении оказались. Горожане волнуются. Слухи ходят самые... разнообразные.

...и полагаю, Кормак лично проследил за тем, чтобы шли они в нужном ему направлении. А ведь особых усилий прикладывать не придется. Благодаря стараниям Ингрид в городе меня крепко недолюбливают и охотно поверят в любую чушь.

– Какие же?

– Говорят, что... ваша светлость вступили в преступный сговор...

Конечно, чем мне еще заниматься, помимо преступных сговоров?

– ...с целью избавиться от супруга... и захватить власть.

О да, власти у меня ныне столько, что не знаешь, куда девать.

– Вы и ваш... – выразительный взгляд в сторону Сержанта, – ваше доверенное лицо воспользовались состоянием Урфина Дохерти, внушив ему мысль о мести. Несчастный обезумел от горя...

Чему найдется немало свидетелей.

– Доказательства?

– То оружие, которое было найдено, явно родом не из нашего мира. А кто, кроме него, способен преодолеть разрыв...

– Торговцы.

Тот самый Хаот, который закупает нарвалы рога да и многие другие весьма нужные вещи, привнося вещи другие, тоже полезные, вроде отмычки. И пусть не убеждают меня, что сия торговля ведется исключительно с соблюдением всех норм закона.

– Конечно, – соглашается Кормак. – Но зачем торговцам устраивать покушение?

– А Урфину зачем? Скорее, ему следовало бы убить вас...

Сразу и дышать стало бы легче, и мир обошелся бы без испытания на прочность. Смешок. Лорд-канцлер оценил мое чувство юмора.

– Ваша светлость, я не пытаюсь враждовать с вами...

То есть все, что было до сего дня, – действия мирные, но неверно истолкованные?

– ...я понимаю, сколь много вы значите для Кайя. И я никоим образом не претендую на то, чтобы вмешиваться в вашу личную жизнь.

По-моему, он влез в нее обеими ногами. Но наша светлость сдерживается.

– Однако политика – дело другое. Народ вас не принял. В городе вот-вот вспыхнет восстание. В замке вас, мягко говоря, недолюбливают. Вы не даете себе труда обратить внимание на нужды людей...

Забыл добавить «определенных». Пожалуй, это звучало бы ближе к правде. Нужды определенных людей. Действительно, наша светлость игнорировала самым бессовестным образом и раскаяния не испытывает.

– ...и люди выражают недовольство.

– Люди вольны в выражении своих чувств. В том числе недовольства.

– Возможен бунт...

– Бунт будет подавлен, – спокойно заметил Сержант. – Гарнизон готов.

– Уверены? Гарнизон – те же люди. И вряд ли они пойдут за вами.

Кормак прав, но Сержант его правоту не признает. Более того, он спокойно пожертвует и городом, и замком, оставив за собой Кривую башню, которую хватит сил удержать до возвращения Кайя.

Он вернется. Обязательно. Он не бросит нас здесь.

– Но даже если гарнизон встанет на защиту вашей светлости, то прольется кровь... много крови... Вы готовы это допустить?

Гражданская война в пределах отдельно взятого города? Из-за меня?

– И какой вы предлагаете вариант?

Он не пришел бы без камня за пазухой. Разве подобный человек нарушит правила поведения, оставив хозяев без увесистого подарка? И сейчас Кормак откидывается в кресле, отпус-

кая стол. Он складывает руки, словно в молитве, упираясь большими пальцами в подбородок. Растягивается рыхлая кожа на шее, собираются складки на щеках.

И я смотрю на темную кайму под ногтями: лорд-канцлер не боится мараить рук.

Я же понимаю, что он готов пойти ва-банк. Мятеж. Измена. Казнь. И шантаж мной как единственный способ ее избежать.

– Не я. Совет предлагает вам сменить статус.

Предсказуемо. Во взгляде вызов и ожидание моих слез. Их не будет.

– Ваш супруг получит ту жену, которая соответствует его положению и ожиданиям народа. Вы – достойное содержание и мою поддержку. Все то, что не прощают леди Дохерти, простят фаворитке лорда Дохерти. Вашу... эксцентричность. Вызывающую внешность. Отсутствие манер. Привычку лезть в дела, совершенно вас не касающиеся.

Откровенно. И, пожалуй, близко к правде.

– Вы будете избавлены от необходимости присутствовать на всякого рода официальных мероприятиях, которые вам столь ненавистны. Будете заниматься благотворительностью...

Сходя с ума от ревности и обиды.

– Совет даже не станет возражать против появления у вас детей.

Какая неслыханная щедрость! Кормак близок к тому, чтобы вывести меня из равновесия.

– Боюсь, я не могу принять ваше щедрое предложение.

– Боюсь, в скором времени у вас не останется выбора. Гнев народа порой страшен... Вы уверены, что здесь вы в безопасности?

– В куда большей, чем с вами.

– Неужели? Вы так безоговорочно доверяете своей охране?

– Больше, чем вам.

– Что ж, я сделал все, от меня зависевшее. Я вынужден буду доложить Совету о вашем упорстве. Боюсь, вы обрекаете нас на не самые приятные действия. Будет начато расследование...

И вынесен вердикт, постановление или иной очень серьезный с виду документ, который Сержант проигнорирует. Но как появление этого документа воспримет Кайя?

– Любые постановления Совета в отсутствие лорда-протектора не имеют законной силы. – Сержант знает, как поддержать. Только Кормака сложно свернуть с избранного пути.

– Но вы не знаете, как надолго затянется это отсутствие...

– Сто пятьдесят шесть часов четырнадцать минут. – Этот стерильный голос не мог принадлежать человеку.

Я, да и не я одна, смотрела на то, как плывет гранитная стена, теряя плотность и цвет, вытягивается, вылепляя лицо. Первым появляется длинный нос, затем лоб и губы, формируются глазные впадины. И тонкая пленка век вздрагивает, раскрывая желтые глаза.

Растут ресницы.

Тянется шея, неестественно длинная, и я не могу отделаться от ощущения, что это создание вот-вот расплывется, как воск по полу.

– Сто пятьдесят шесть часов тринадцать минут, – уточнило оно, отлепляясь от стены. – Вероятность полного выздоровления Кайя девяносто девять и девятьсот семьдесят шесть тысячных процента.

Я знала, что он жив, но все равно не сумела сдержать вздоха облегчения.

Как будто стальное кольцо вокруг сердца разжалось.

Сто пятьдесят часов? Это шесть дней и еще немного.

Продержимся?

Обязательно.

– Система полагает необходимым распространение данной информации как средства понижения уровня агрессии внутри популяции.

Люди, узнав, что Кайя жив и скоро – определенно скоро – появится, не станут воевать. Вот только вряд ли лорд-канцлер поспешит выполнить рекомендацию.

– Система полагает необходимым предупредить объект. – Оракул, а я не сомневаюсь, что вижу именно его, повернулся к лорду-канцлеру. И разворачивался он всем телом, словно позвоночник его не обладал и минимальной подвижностью. – Действия объекта способствуют развитию кризиса, угрожающего стабильности системы.

– Система ошибается.

Кормак возражает? Ладно, он нормально воспринял появление Оракула из стены и в принципе не выражает удивления, которое должно бы быть, – это объяснимо. Если Оракул появлялся прежде, то Кормак мог с ним встречаться. Но возражать...

– Накопленный массив информации позволяет системе создавать прогнозы высокой степени точности.

А вот мне под взглядом Оракула неуютно. Взгляд этот лишен выражения, так смотрит камера.

– Система отслеживает нахождение объекта в данной локации. Система будет предупреждена при смене объектом места пребывания.

То есть за мной следят, точнее, наблюдают? И как к этому следует относиться?

– Система не враждебна объекту. Система предлагает к реализации сценарий ожидания с благоприятным прогнозом разрешения основных конфликтов.

Что ж, иного варианта у меня все равно нет.

– Система испытывает затруднения в полноценной реализации визуального модуля вследствие повреждения основных контуров. Время контакта системы ограничено.

Пожалуй, это можно было бы счесть и предупреждением, и извинением, и прощанием.

Он не стал уходить в стену, но просто рассыпался, причем песка на ковре не осталось.

Иллюзия? Голограмма? Что это вообще было?

Визуальный модуль.

– Ваша светлость, надеюсь, понимают, что эта система не вмешивается в дела людей? – вежливо поинтересовался Кормак, прежде чем удалиться.

Намек на то, что к рекомендациям Совет в его лице не прислушается?

И что за оставшиеся шесть дней сделает все возможное, чтобы добраться до меня. Кормак не умеет проигрывать. А еще ему известен крайний срок.

– Это вам, – сказал он, протягивая Сержанту сложенный вчетверо лист. – Возможно, вы убедите леди проявить благоразумие. Или проявите сами.

Я не стала спрашивать, что было в письме.

Глава 4

Тревожные дни: продолжение

*Менделеев долго доказывал своей жене, что на первом месте
должен стоять водород, а не жена и дети.
Жизнь замечательных людей,
или Правда о мужских доминантах*

Туман. Рыхлый, творожистый, непроглядный.

Он проглатывает звуки: всплеск весла, скрип древесины, увязшей в мокром песке. Вздых человека.

И Тиссе страшно разжать руку, потому что она вот-вот потеряется в этом тумане. Желтый корабельный фонарь давно потерялся, и теперь Тисса, пожалуй, не могла бы сказать, в какой стороне осталось судно. И как гребцы найдут обратный путь?

Урфин уверял, что найдут.

И что ночь – самая подходящая для высадки. Сегодня стража и близко к берегу не сунется, люди аль-Хайрама беспрепятственно заберут груз, а Урфин – лошадей.

Всего-то надо – преодолеть полмили чистой воды. И еще две до дороги.

Воду преодолели, но люди почему-то не спешили покидать лодку. Напротив, словно ждали кого-то или чего-то, напряженно, готовые не то сбежать, не то напасть. И Урфин, высвободив руку, накрыл ею палаш. Но вот раздался протяжный свист и птичий плач, на который ответили лисьим тьяканьем.

– Идем. – Урфин прыгнул в воду и, закинув сумку с немногочисленными вещами, подхватил Тиссу на руки.

До сухой земли три шага.

– Держись меня. Не разговаривай. Если вдруг что-то пойдет не так, падай на землю.

Что пойдет не так?

Вопроса Тисса не поняла – она не знала этого языка, но сам тон был враждебным. И Урфин ответил на том же наречии ничуть не более дружелюбно.

Еще фраза.

Ответ.

Почти ссора, и туман отползает за плечи человека, столь же огромного, как лорд-протектор, но куда более страшного. Наверное, так выглядят великаны из нянюшкиных сказок. Голова-валун, лысая, бугристая, покрытая шрамами и насечками, утоплена в плечи, на каждом из которых по сундуку. Он бос и одет лишь в полотняные штаны, а медвежья шкура, заменяющая плащ, вряд ли способна защитить от ветра.

– Не бойся, – шепотом сказал Урфин.

Существо – Тисса всерьез усомнилась в принадлежности его к человеческому роду – замерло в трех шагах. От него смердело потом, жиром и козлиной шерстью.

Оно раскачивалось и ворчалось.

– Спокойно, Агхай. Свои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.